

Мир Бухтеин
Сказки о чёрте

ББК 84.4
Б 55

Б 55 **Людвиг ван Бехштейн.**
Сказки и легенды о чёрте. — СПб.: «Издательство Буковского», СПб.:
«Контур-М», 1994. — 32 с. илл.

Переводчики *М. Ю. Коренева, Г. В. Снежинская*
Художник *Л. Ю. Росси*

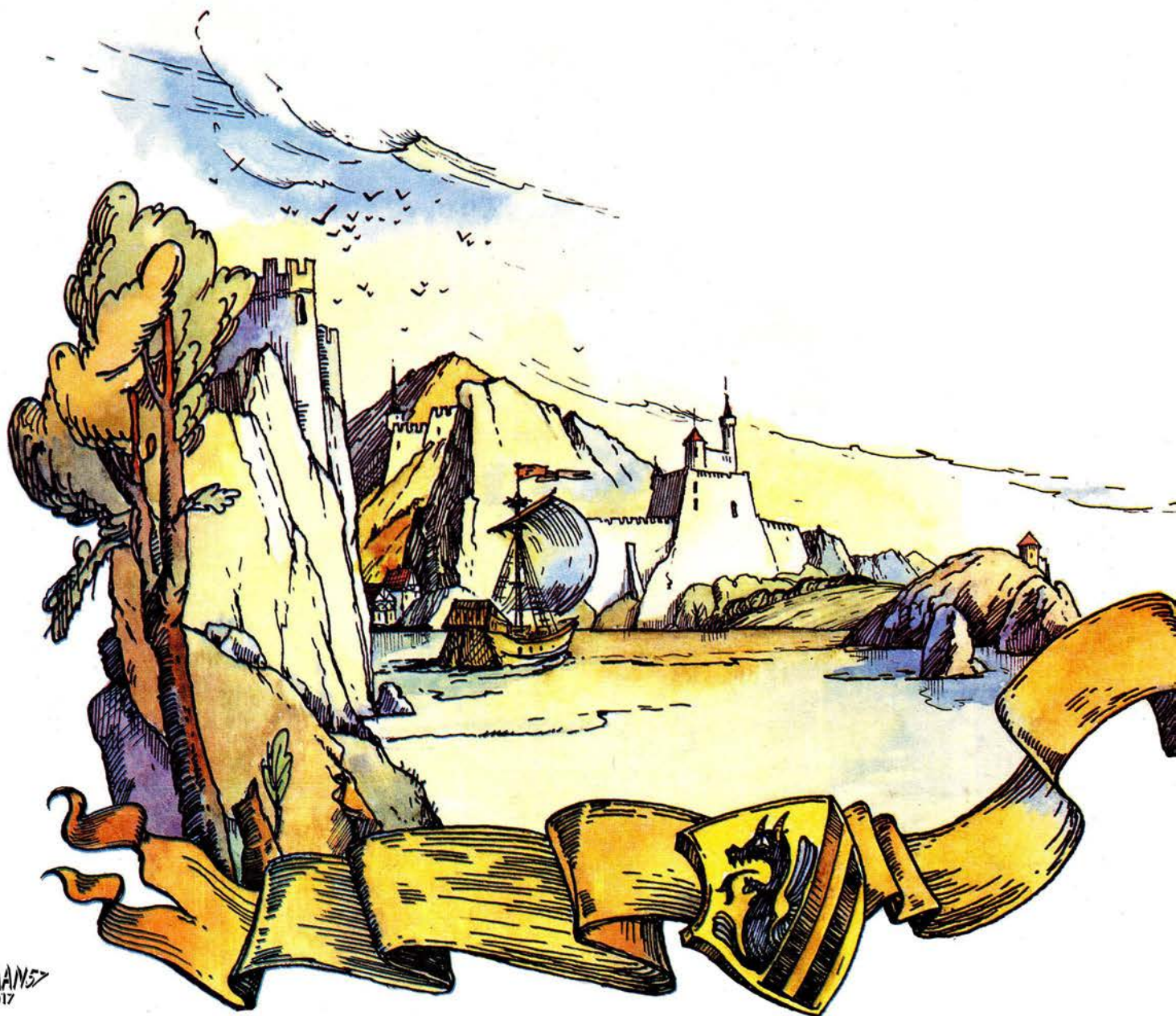
ISBN № 5-86429-012-2

© Коренева М. Ю., перевод, 1994
© Снежинская Г. В., перевод, 1994
© Росси Л. Ю., художественное оформление, иллюстрации, 1994

Нродбуз Гехуतेईн

Сказку о чѣрте

Лорелея

Неподалеку от местечка Кауб полноводный Рейн вливается в мрачную теснину с высокими крутыми берегами, что черными громадами нависают здесь над бурным потоком. Стремительно несутся бушующие воды, с ревом и шумом разбиваются грохочущие волны о неприступные скалы. Жутковато становится всякому, кто попадает сюда и видит буйные воды могучего Рейна и отвесные берега, готовые вот-вот сомкнуться друг с другом. Здесь, в этих скалах обитает прекрасная рейнская русалка, коварная Лорелея.

Часто выходит она из воды и является рыбакам чудной девушкой с золотыми волосами. Расчесывает она свои волосы золотым гребешком и поет сладкозвучную песню, привлекает юношей, так что кидаются они, очертя голову, к ней и находят свою смерть в неистовой стихии. Нет такого человека на Рейне, кто не слышал бы о красавице Лорелее — сколько сказок сложено о ней, сколько песен!

Много разных легенд рассказывают о Лорелее, и все эти грустные истории повествуют о печальной судьбе, которая постигает всякого, кто осмеливается приблизиться к прекрасной Лорелее. Но есть среди них одна, быть может, чуть более веселая, и не с таким мрачным концом. Как-то раз довелось самому черту плыть по Рейну, и никак ему было не миновать Лорелеевых скал. Подплыв к мрачной теснине, черт решил, что ущелье для него слишком узко, и потому надо его либо слегка раздвинуть, либо сокрушить эти громоздкие утесы, а из обломков устроить запруду, чтобы уж никакие корабли не могли тут пройти. Уперся черт спиной в утес, на котором обыкновенно восседала Лорелея, а ногами — в другую гору, что возвышалась на противоположном берегу, и давай трясти, да раскачивать скалистые глыбы. И вот уже поддалась была каменная громадина, — но тут раздалось пение Лорелеи. Услыхал черт ее пение, и как-то странно стало ему на душе. Не осталось у него более сил продолжать задуманное дело. Как хотелось ему утащить к себе Лорелею, чтобы стала она ему возлюбленной, да не властен он был над нею. От нахлынувших чувств распалился черт необычайно, любовный жар захватил его целиком — так что даже дым валом повалил. Едва только Лорелея допела до конца песню, убежал черт восвояси, не помня себя от радости, ибо думал уже, что весь век придется ему коротать у той скалы. Но не успел черт уйти далеко, как на скале появился черный выжженный силуэт — настоящий отпечаток черта, от макушки до хвоста и копыт. Вот какой портрет оставил он Лорелею на вечную память о себе. С тех пор черт не отваживается подходить близко к тем местам — все боится: а вдруг рейнская сирена его снова припечатает к скале, как в тот раз — кто ж тогда дьявольские козни строить будет — встанут все его дела, и большой от этого будет вред.

Как чёрт адвокатом был

Поправился однажды один ландскнехт по делам в другой город, да по дороге заболел и пришлось ему остановиться на первом попавшемся постоялом дворе. Был у него с собою полный кошель денег, и отдал он этот кошель хозяйке — так оно, мол сохраннее будет. Хозяйка же до денег сама не своя была, и потому сговорила она со своим муженьком и решила деньги не отдавать. Прошло какое-то время, ландскнехт поправился и стал требовать свои деньги обратно. А хозяйка на это подняла страшный крик — дескать, знать-не знаю никаких денег, ничего никто мне не давал — и бранила и ругала ландскнехта на чем свет стоит. Тот в свою очередь обозвал хозяйку гнусной воровкой. Не выдержал тогда хозяин постоялого двора и решил усмирить разбуянившегося постояльца — сгрёб он его в охапку, да и выставил за дверь. Ландскнехт давай в дверь колотить, да шуметь, что есть мочи, а хозяйка высунулась в окошко и заголосила как резаная:

— Помогите! Спасите!

Сбежался на крик народ, повязали они ландскнехта и отправили его в темницу, где и предстояло ему дожидаться суда по обвинению в нарушении общественного порядка и посягательстве на личную собственность граждан.

Сидит ландскнехт в темнице, ждёт решения своей участи, и тут является к нему черт. Расписал черт в красках, какая судьба уготована бедному узнику, и сказал:

— Выбирай: продашь мне свою душу, спасу тебя от веревки, а нет — так и пропадёшь почем зря.

А ландскнехт был не из тех пропащих вояк, у которых не осталось ничего святого. Был он человеком праведным и честным, и к тому же не знал за собою никакой вины. Вот и сказал он черту:

— Лучше десять раз умереть под пытками, чем продаться черту.

Не хотел черт отступаться от него и принялся во всех подробностях описывать, какие мучения ждут его, как он будет умирать, но ландскнехт твердо стоял на своем и не поддавался на чертовы уговоры. Не выдержал тогда черт и говорит:

— А я все равно тебе помогу, и не надо мне от тебя никакой платы; хочу, чтоб ты убедился — не так страшен черт, как его малюют, я тоже знаю, что такое великодушие и благородство. Только давай условимся. Когда приведут тебя на суд выслушать твои показания, потребуй себе адвоката, защитника, я же встану в сторонке, вместе с другими адвокатами, на мне будет голубая шляпа с белыми перьями. Спросят тебя, кого ты хочешь, а ты и укажи на меня. Идет?

Подумал-подумал ландскнехт и согласился: ведь в этом нет ничего дурного, что противно было бы Богу, — решил он.

Настал день суда, ввели ландскнехта в зал, потребовал он себе адвоката и указал на господина в голубой шляпе с белыми перьями. Суд не возражал против такого выбора, и тогда вышел черт на середину, вежливо так поклонился судьям и, получив слово, стал рассказывать все обстоятельства своего подзащитного. Он очень красочно расписал то бедственное положение, в котором оказался ландскнехт, ставший жертвой бесстыдного плутовства хозяев постоялого двора. Он рассказал, как сначала они воспользовались болезненным состоянием своего постояльца, сговорились меж собою и выманили у него деньги, а потом, когда он уже поправился, поколотили и выставили его за дверь. Ландскнехт же, мол, проявил смирение и кротость — ведь своим мечом он в праведном гневе мог бы разнести весь дом, а он только слегка поцарапал входную дверь, и потому, — убеждал судей черт, — он заслуживает лишь легкого наказания, а не смертной казни, каковая положена при таком серьезном обвинении.

Следующим вызвали судьи трактирщика. Тот сразу взял быка за рога — уж больно осерчал он на черта за его дерзкие речи, — и давай поносить адвоката всякими ругательствами. Мол, чего это он такой-сякой крутит-вертит, знаем, мы, дескать, все их уловки, эти адвокаты кому хочешь, голову заморочат, ведь недаром говорят «адвокат — черту брат».

— Провалиться мне на этом месте, — бушевал трактирщик, — не брал я никаких денег, и жена моя не брала, видеть-не видывал я его кошелька! Вот пусть меня черт заберет, если я вру! И не слушайте господа судьи, что он там вам плетет, он и не такого еще набрешет, этот самый...

Но тут верховный судья, видя, что трактирщик уж совсем разошелся, призвал его к порядку, — а не то досталось бы черту по первое число. Слушая гневную тираду трактирщика, черт только улыбался, а когда того прервали, попросил опять слова.

— Мой клиент, — начал неторопливо он, — подробно описал мне свой кошель и его содержимое: кошель этот уже довольно потрепанный и старый, сделан из замши, завязывается шнурком с медным колечком на конце. В нем было пятьдесят пять бранденбургских талеров с изображением Иоахима, шесть рейнских золотых гульденов, двадцать мекленбургских монет, тринадцать саксонских грошей, кроме того — одна испанская крона с изображением короля Филиппа, один дукат герцога Рихарда Баварского, две монеты с изображением кайзера Максимилиана, и, наконец, один медный пфеннинг, на котором напечатано «Чем идти воровать, лучше сразу Богу душу отдать».

Все сидящие в зале прямо застыли от удивления — как адвокат все хорошо запомнил! Не меньше других был изумлен сам ландскнехт, который черту ровным счетом ничего не рассказывал, и, честно говоря, сам толком не помнил, какие там у него монеты лежали, и какие на них были изображения, а уж о том, что написано — лучше и вовсе не спрашивать, все равно не мог прочесть ни слова.

— Однако, если высочайший суд даст на то свое соизволение, — продолжал черт, — можно сейчас же отправить двух гонцов, дабы пошли они к трактирщику в дом и пошарили как следует в трубе. Они, конечно, изрядно перемажутся, но зато найдут кошелек обвиняемого — он подвешен там внутри и болтается на высоте двух аршинов и трех вершков.

Услышав эти слова хозяйка трактира истошно завопила, а у трактирщика прямо поджилки затряслись, оба они побледнели как мел и бухнулись на колени. Выбрали судьи двух понятых и отправили их обследовать трубу, а черт, не дожидаясь их возвращения, снова обратился к суду:

— Прошу прощения, господа! Давайте против обыкновения обойдемся без лишних проволочек! Посмотрите на перепуганные физиономии этих обманщиков, и вы сами прочтете в их глазах признание вины. Я честно заслужил награду. Мне нужен кто-то один, либо постоялец, либо хозяин. Хозяйку я в расчет не беру, оставляю ее вам, а то от женщин одна морока. А хозяин сам говорил, будто бы готов пойти со мною, коли обнаружится, что он врет. Вы все можете подтвердить эти его слова!

Сказал так черт — и хватъ хозяина, сунул в мешок, прыг в окошко и исчез. Куда он утащил бедолагу, не знает ни одна душа, хотя, конечно, нетрудно догадаться. Так ландскнехт доказал свою невиновность и получил свои деньги обратно.

Легенда о Кельвнском соборе

Решили как-то раз жители Кельна построить себе большой собор. Прослышал об этом черт и рассердился не на шутку — и так в Кельне полным-полно церквей да часовен, а они, ишь, чего задумали: соборище строить, чтобы своего боженьку славить! Принял тогда черт человеческий облик, пробрался хитростью да уловками к главному строителю и говорит ему:

— Ох, замахнулся ты! Смотри, не сдюжишь! Давай спорить, что я быстрее канал от Трира до Кельна проведу, чем ты свой построишь. По каналу будет в город чистая вода идти, а то еще можно мозельское вино пустить, да и вообще, проку от такого канала больше, чем от собора. Подумаешь, собор — их в городе хоть пруд пруди, а вот каналов — нет!

— Что ж, давай поспорим! — сказал мастер.

— Так значит, мы спорим, что не успеешь ты построить башни, как я уже проложу канал, — сказал черт, — и когда ты будешь стоять на своей недостроенной башне, по моему каналу уже будет течь вода, и подойдет она под самые стены собора и затопит его.

Ударили они по рукам и разошлись, каждый своим делом заниматься. Все выше и выше поднимается собор, все ближе и ближе подступает к городу канал — настоящий водопровод, который мог сравниться разве что с древнеримским. И вот однажды, когда уже полным ходом шло строительство башен, мастер, стоявший в верхних лесах, вдруг увидел, что канал уже дотянулся до самого храма, но воды в нем пока еще не было, и только где-то вдалеке белело какое-то пятнышко. В тот же миг стало оно стремительно приближаться и бурный поток обрушился прямо на стены собора, а на волнах покачивалась белая уточка. Понял мастер, что проиграл он спор, и бросился с башни прямо вниз головою, а следом за ним прыгнул его верный пес, — никогда не расставался он со своим хозяином. Так и остался стоять храм недостроенным, но и канала не пощадило безжалостное время — постепенно превратился он в груды развалин. В народе его называют чертов коготь. В довершение ко всему, черт на радостях, что выиграл спор, поднялся прямо на крышу собора и швырнул оттуда со всей силы громадный камень, — тот угодил прямо в часовню Трех Святителей и проломил крышу. Более поздние хроники сообщают, что причиной тому послужил якобы сильный порыв ветра. Но как бы там ни было, лежит сей камень и поныне перед часовней, и называют его в народе чертовым камнем, потому что на нем отчетливо виден след, напоминающий петушину лапу. Такой след, будто выжженный на камне, мог оставить, конечно, только сам черт.

Легенда об Аахенском соборе

Когда в Аахене строили собор, то дело чуть не кончилось так же, как с Кельнским собором. Денег в казне не хватало, и стоять бы чудесному храму недостроенным, кабы в один прекрасный день не появился в городе один чужеземец, который предложил городскому совету денег, чтобы закончить собор. Но давал он деньги не просто так, а при условии, что совет выполнит одно его желание. А когда же совет спросил, чего же хочет странный незнакомец, тот ответил:

— Я прошу немногого. Отдайте мне душу того, кто первым зайдет в этот собор.

Члены городского совета, конечно, сразу смекнули, что незнакомец есть не кто иной, как сам черт, и стало им от этого не по себе. Долго совещались они, судили-рядили так и эдак, но ничего не придумали, и пришлось им согласиться, только поставили они черту тоже условие — просили сохранить их уговор в строжайшей тайне. Но пока храм строился, слух о договоре с чертом распространился по всему городу. И вот стоит собор посреди площади, — красивейшая постройка, не знающая себе равных в мире — и никто не осмеливается зайти в него: ни священники, ни прихожане. Напрасно черт просиживал дни и ночи напролет, подкарауливая какую-нибудь заблудшую душу — ни один человек даже близко не подходил к собору.

Надоело ему до смерти ждать без толку, и пошел он жаловаться в совет. Там он долго ругался да бранился, а под конец пригрозил, что если не получит причитающейся ему платы, то возьмет первого попавшегося члена совета. Перепугались советники и решили пойти на хитрость, чтобы одурачить черта. Велели они поймать в окрестных лесах волка, и притащить его: в город, прямо к воротам в храм. Там его выпустили, да еще громко ударили в большие колокола, так что волк с перепугу сиганул прямехонько в открытые ворота храма, где томился в ожидании обещанной платы черт. Едва только волк влетел в собор, черт набросился на бедного зверя, а у того от страха — и дух вон. Разглядел тут черт, что душонка-то ему никудышная досталась и вне себя от ярости бросился с диким ревом бежать вон из храма. Но по дороге лягнул как следует железные ворота собора. От такого удара треснули ворота и трещина та видна по сей день. Городские же власти были очень довольны, что избавились, наконец, от черта и велели в память о волке-мученике отлить его в бронзе — отдельно его и отдельно его бедную душу, и установить эти фигуры в храме. Получилось очень красиво, только вот душа почему-то смахивает то ли на артишок, то ли на еловую шишку.

Судья и чёрт

ил когда-то в одном городе очень богатый человек. Сундуки в его доме ломились от всякого добра да золота, а сам-то он был — хуже некуда, полным-полно было у него всевозможных пороков, люди просто диву давались, как его земля носит. Богач этот был, однако же, городским судьей и суд творил, понятное дело, неправедный. Как-то раз в базарный день поутру отправился он на свой виноградник, посмотреть, хорошо ли виноград уродился. А на обратном пути повстречался ему черт. Одет был черт богато и нарядно, ни дать ни взять — важный господин какой. Увидел судья незнакомого богатого господина и разобрало его любопытство, кто же это такой? Он и спрашивает, да не больно-то вежливо, кто, мол, ты такой и откуда будешь? А черт ему и говорит, дескать, для вас лучше будет не знать, кто я и откуда.

— Ха-ха-ха! — засмеялся судья. — Кто бы ты ни был, отвечай сейчас же, не то худо тебе придется. В здешних краях на все — моя власть. Что захочу, то с тобой и сделаю, и никто мне помешать не посмеет. Захочу — жизни лишу, захочу — все твое добро себе заберу. Лучше отвечай по-хорошему!

— Ну, коли дело так скверно обстоит, придется, видно, открыть вам, кто я и откуда. Знайте же, я — черт.

— Н-да... А скажи-ка мне, что же тебе надобно в наших краях? Зачем пожаловал?

— Видите ли, господин судья, — отвечает черт, — мне нынче позволено наведаться в ваш город и взять себе что-нибудь такое, что люди сами предложат мне забрать и притом не в шутку или ради красного словца посулят, а всерьез предложат!

— В добрый час! — сказал судья. — Дают — бери. А я, пожалуй, буду тому свидетелем, посмотрю, что тебе достанется.

— Лучше вам подальше от меня держаться, когда я стану забирать то, что мне причитается, — посоветовал черт.

Но судья пропустил его предостережение мимо ушей и в ответ обрушил на владыку преисподней такие слова, страшнее которых ничего для черта нет:

— Повелеваю и приказываю тебе именем всемогущего Господа Бога всеми Его заповедями, гневом Господним, что тебя и твоих приятелей в узде держит, и судом Божиим! Если что-то предложат тебе, то заберешь это с моего ведома, в моем присутствии и никак не иначе!

Черт страшно перепугался, задрожал с ног до головы, скривился весь и говорит:

— Ай-ай! Лучше бы мне не жить на свете! Вот ведь как ловко вы

меня поймали, никогда еще не бывал я в таком переплете. Но послушайте меня. Слово владыки преисподней — а я слов на ветер не бросаю — не пойдет вам на благо то, чего вы требуете. Откажитесь пока не поздно от своего намерения!

А судья ему:

— Ни за что! Пускай со мной что угодно случится, а только хочу своими глазами увидеть, что ты себе заберешь. Пусть даже это будет стоить мне жизни!

И вот пошли они, судья и черт, на городской рынок. День-то базарный был, народу на рыночной площади собралось видимо-невидимо. Судье и его спутнику, про которого никто не догадывался, кто он такой на самом деле, тут и там предлагали попробовать молодого виноградного вина. Судья по своему обыкновению не отказывался, принимал подношения — как не угоститься на дармовщинку! Хотел было он и черта попотчевать, но тот на удочку не попался: ведь судья, конечно же, не всерьез ему вина предлагал.

И вдруг видят они: крестьянка свинью на рынок ведет, а свинья то встанет как вкопанная, то бежать кинется, да не туда, куда хозяйке надо, а все куда-нибудь в сторону или назад норовит. Разозлилась крестьянка да как крикнет:

— Ох, черт бы свинью эту побрал со всеми потрохами!

— Слышишь, приятель? — судья черта в бок подтолкнул. — Забирай свинью-то!

Но черт ответил:

— Нет, не могу, как ни жаль. Хозяйка ведь не всерьез мне свинью сулит. Она же после весь год горевать да жалеть будет, что свинью к черту послала. А мне можно что-то забрать, только если меня об этом попросят.

Немного погодя увидели они женщину, которая вела за руку ребенка. Малыш не слушался и тянул мать то в одну сторону, то в другую. Рассердилась мать да в сердцах и крикнула:

— Чтоб тебя черт побрал да шею тебе свернул!

— Слышишь, приятель? — говорит судья. — Забирай ребенка! Мать-то серьезно говорит, чтобы ты его забрал.

— Нет, — отвечает черт, — она тоже на самом деле так не думает и будет горячие слезы лить, если я поймаю ее на слове и заберу дитя.

Тут они увидели еще одну мать с ребенком, который кричал во все горло и вообще вел себя очень плохо. Мать не выдержала и выбрала его:

— Будешь ты наконец слушаться? Не будешь, так убирайся к черту!

— Ну что? — спрашивает судья. — И этого взять не хочешь?

— Нельзя мне его забрать, — отвечает черт. — Ведь по правде-то мать свое дитя и за тысячу фунтов золота никому не отдаст. Это она просто в сердцах так раскричалась, а на самом деле она и думать не думает отдать мне своего ребенка. Как ни хочется мне его забрать, а нельзя.

Тем временем судья и черт добрались уже до самой середины рыночной площади. Народу здесь было — уйма. Приятели еле-еле проталкивались в толпе. И тут-то заприметила судью одна старушка, с виду очень бедная и чем-то опечаленная. Увидела она судью и горько-горько заплакала, а потом громко закричала, так что все услышали:

— Позор тебе, судья! Ты богат, а я нищая — стыдись! Ведь это ты ни за что ни про что забрал мою единственную коровушку, кормилицу мою! Забыл ты, видно, о милосердии и доброте, отнял мою буренку, а больше-то у меня и нет ничего, все мое богатство было — коровушка... Позор тебе, судья! Пусть Господь услышит мою мольбу и покарает тебя, пошлет тебе смерть и жестокие муки как великому грешнику. Пусть услышит мою мольбу и предаст тебя и душой и телом черту!

Судья сделал вид, будто ничего не слышит. А черт поглядел на него с усмешкой и говорит:

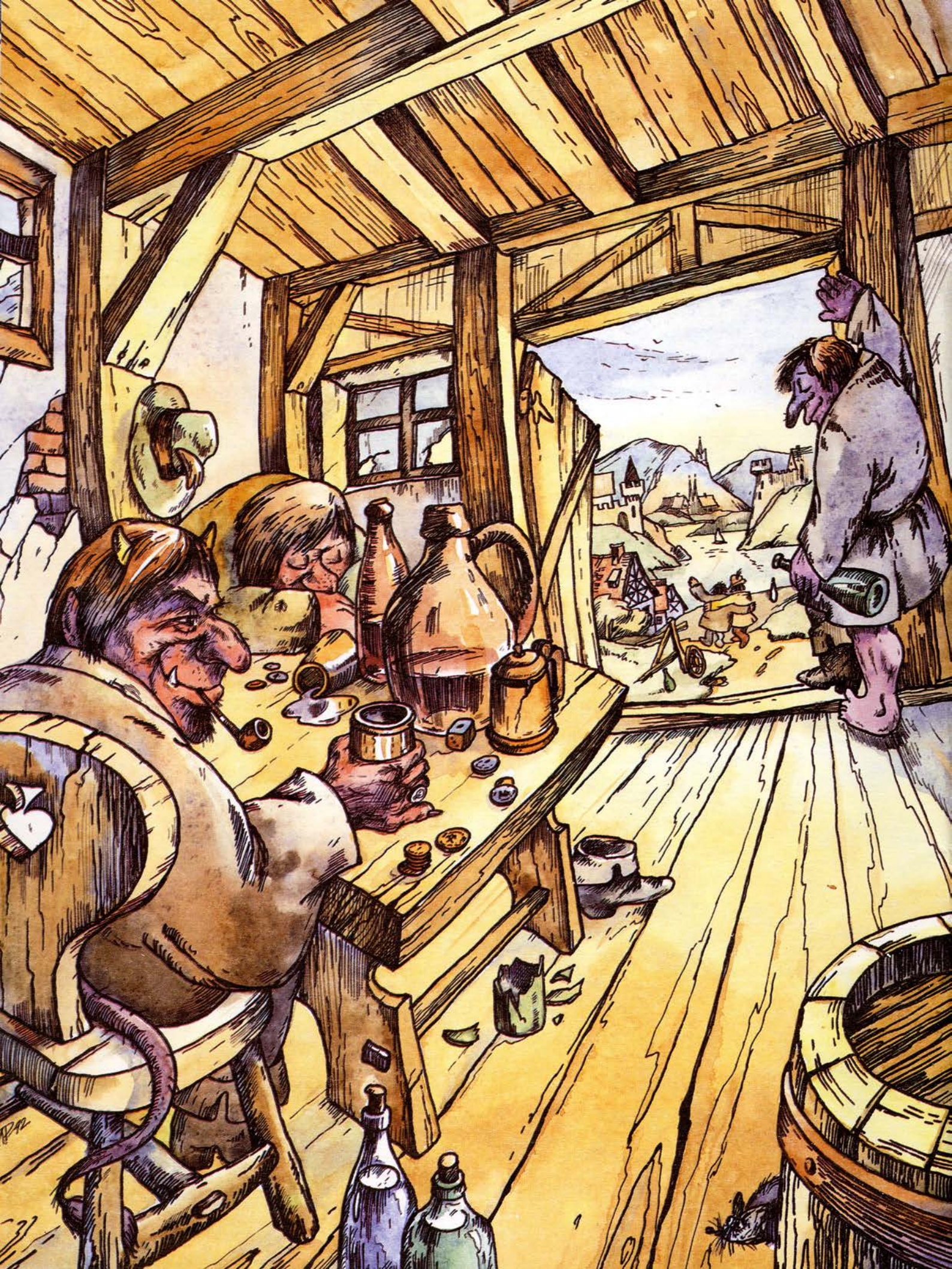
— Ну судья, просьба этой старушки и впрямь серьезная. Сейчас ты в этом сам убедишься! — Схватил черт судью своими страшными когтями за волосы и взлетел над землей, и унес его прочь, как коршун цыпленка.

Народ на площади со страху так и обмер.

А мудрые люди потом сложили присказку:

С чертом поведешься —
Бед не оберешься.
Кто с чертом дружбу заведет,
Тот прямо в пекло попадет.

Сказка о том, как черт водку выдумал

ышел как-то раз спор у двух соседей-землевладельцев насчет границ их угодий. И тот и другой сосед нашли свидетелей, подтверждавших их правоту. А среди свидетелей и с той и с другой стороны оказалось по одному непростому человеку. Эти двое научились колдовству у самого черта и за науку продали ему душу.

И вот решили эти двое однажды ночью переставить межевые камни на границе земельных владений, причем каждый хотел переставить их так, как ему было нужно. И еще каждый из них задумал с помощью колдовства сделать эти межевые камни такими древними с виду, будто бы лежали они на меже давным-давно и никто их никуда не переносил. Оба колдуна превратились в огневичков, тех самых, что блуждают по ночам в лесу и светятся огнем с ног до головы. Поднялся один колдун-огневичок на гору, где граница владений проходила, а другой огневичок уже там. Но ни один из них не догадывался, что у другого на уме. Первый огневичок и спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

— А тебе зачем знать? — другой ему отвечает. — Сперва скажи, зачем сам сюда явился?

— Я пришел поставить межевые камни туда, где им стоять положено.

— А я уже их поставил! Вот они, вот здесь межа проходит.

— Неправильно! Межа вон где должна проходить. Мне мой господин велел вот здесь межу провести, так что будет по-моему.

— Какой такой господин? Знать ничего не знаю! Ишь какой хозяин нашелся!

— Мой господин — сам черт! Что, теперь небось по-иному заговоришь?

— Врешь ты все! Черт — мой господин! Он сказал, что правда на моей стороне, значит, и все по-моему будет.

Тут принялись они тузить друг друга. Первый огневичок как даст другому затрещину, у того голова и полетела с плеч долой, да прямо под гору. Безголовый огневичок пустился вдогонку за головой, чтобы ее поймать и обратно на плечи посадить, да не тут-то было: далеко голова укатилась, в глубокое ущелье у подножья горы.

А в это время откуда ни возьмись третий огневичок на горе оказался. И у того, который там стоял, спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

— А тебе зачем знать? — отвечает огневичок. — Кто ты такой, чтобы я тебе отчет давал? Убирайся подобра-поздорову, откуда пришел, не то отделаю и тебя так, что своих не узнаешь!

— Ах ты, негодник! Уважать меня разучился? Или не видишь, кто я? Я — черт, господин твой!

— А хоть бы и черт, какая разница! Попробуй-ка, потягайся со мной, посмотрим, кто кого!

— Ладно же, — черт ему на это говорит. — Сам напросился. Но уж ты меня до конца своих дней помнить будешь!

И так он за огневичка взялся — только искры полетели. Тузил его черт тузил, но только огневичок наш как-то вдруг исхитрился — хватя черта за шкуру и говорит:

— Ага, попался! Теперь я — твой господин. Всю жизнь ты бедным людям шеи сворачивал, попробуй-ка теперь, каково быть на их месте.

И хотел уже свернуть черту шею. Понял черт, что с огневичком шутки плохи и стал его упрашивать да уговаривать, дескать, он, черт, все сделает, что огневичок ни попросит, только не губил бы его, а отпустил на волю. Сжалился огневичок:

— Ладно, — говорит, — раз уж так жалобно просишь, отпущу. Но сперва верни мою расписку, которую я тебе дал, когда душу свою тебе прозакладывал. И обещаю, нет, лучше поклянись-ка ты, черт, своей бабушкой, что никогда в жизни больше не будешь искушать ни меня, ни других людей, чтобы они продали тебе душу.

Не по нутру черту такое было, но делать нечего: пришлось согласиться, чтобы шею-то не свернули. Вернул он огневичку расписку и поклялся своей родной бабушкой, что никогда в жизни больше не будет искушать людей, чтобы те продали ему душу.

Отпустил огневичок черта.

А черт сразу прыг подальше, чтобы огневичок, чего доброго, снова его не поймал, встал — руки в боки и говорит:

— Вот я и на воле! Я тебе, дурню, расписку-то вернул и клятву дал никогда в жизни никого из людей не искушать, — это верно. Но я не обещал, что не сверну тебе шею, если окажусь на воле! И сейчас ты умрешь, за то что душил меня и хотел мне шею свернуть!

Бросился черт на огневичка, да только тот быстрее оказался, побежал от черта во всю прыть напрямик в лес. Черт за ним. Присмотрел огневичок в лесу большое старое дерево с дуплом и скорее залез туда. Спрятался от черта. Но весь он в дупле не поместился, пятка снаружи торчать осталась. А так как огневичок весь с головы до ног огнем светился, то и пятка его в темноте ярко сверкала. Увидел черт пятку и живо смекнул, где огневичок прячется.

Подбежал он к старому дереву. А огневичок в дупле услышал, как черт топчет, и забился поглубже, а потом стал все выше и выше пробираться по пустому внутри стволу. Черт — следом. На самом верху в дереве было еще одно дупло, поменьше, от отсохшего сучка, огневичок и выбрался через него наружу. А дупло сразу же заткнул ветками, чтобы черт через него не вылез. Потом скорее спустился с дерева и большое дупло внизу тоже заткнул. Огневичок ведь колдуном был, вот он и заколдовал дупло крепко-накрепко, так что ни сам черт, ни чертова бабушка, ни вся чертова преисподняя ничего не могли поделать. Запер огневичок черта в старом дереве и пошел своей дорогой.

Сидел черт в дупле и вылезти не мог. Как он ни старался, все было впустую. Долго сидел черт в дупле. Прохожие люди слышали, как он воет и рычит там от злости. Но однажды пришли на гору лесорубы и срубили

старое дерево. И тут-то опять вышел черт на волю. Прежде всего он поспешил к себе домой, в преисподнюю, узнать, как там идут дела. А в преисподней пусто было, как в церкви в будний день. Ни единой души грешной не видать и не слышать. Ведь пока черт сидел в дупле и никто не знал, куда это он подевался, ни одна душа в ад не попала. Чертова бабушка из-за этого так сильно горевала, что померла с горя. Когда же она померла, все грешники, которые еще оставались в преисподней, убежали и попали на небо. И вот стоял черт посреди пустой преисподней один-одинешенек и не знал, как своему горяшку помочь да что бы такое выдумать, чтобы снова наполнить ад грешными душами. Ведь искушать людей ему было нельзя — он же родной бабушкой поклялся, что никогда в жизни больше не будет искушать людей, чтобы они продали ему душу. А как еще заманить их в ад, черт не знал. И так он убивался от горя, что чуть рога об стену не обломал. Но вдруг черт кое-что вспомнил.

Сидеть в дупле ему было очень скучно, и со скуки черт принялся выдумывать всякие штуки. И среди прочих штук выдумал он водку. А теперь черт вспомнил о ней и подумал: водка — то самое средство, с помощью которого я смогу отправить в пекло множество душ!

Не теряя времени, черт отправился в город Нордхаузен. Здесь он устроил винокурню и начал водку гнать и всех людей к ней приваживать. Он и жителям Нордхаузена показал, как надо водку гнать, и посулил им богатства и денег, если они научатся этому ремеслу. А горожане упрямив себя не заставили, и скоро весь Нордхаузен уже гнал водку и торговал ею по всему свету. С тех самых пор и по сей день слывет Нордхаузен городом, где водки гонят больше всего в мире.

Как черт замышлял, так все и вышло. Выпив немного водки, люди начинали браниться и сквернословить, поминали черта и клялись отдать ему свою душу. И попадали после смерти прямо к нему в лапы. А уж если выпивали поболее, то и вовсе ссорились, дрались, сворачивали друг другу шеи — черту и утруждать себя не приходилось. Раньше, бывало, с большим трудом черт одну душу за несколько дней соблазнял, а теперь они сами, что ни день, так и летели в его сети десятками и сотнями. Года не прошло, как в преисподней тесно стало от грешников, новые души некуда девать стало, пришлось черту пристроить к своему пеклу новые помещения.

Короче говоря, с тех пор как вылез черт из дупла на волю, так и появилась на свете водка. А уж с тех пор как водка появилась, и называют ее по справедливости «чертовым зельем».

ил-был однажды в местечке Ютеборг один кузнец, о котором в народе рассказывают удивительную историю. С малых лет вел он жизнь праведную и примерную — был послушным сыном, соблюдал все заповеди божии. Много странствовал кузнец Петер по свету, много всяких приключений было на его веку. Ремеслом своим он владел в совершенстве и прославился повсюду как искусный мастер, с которым никто не мог сравниться. Только он один знал секреты особого вещества, которым можно было покрыть любые латы, любые доспехи, и тогда делались они непробиваемыми. В свое время поступил он на службу к императору Фридриху Второму, и ходил вместе с ним в поход на Милан и Апулию. Немало добычи досталось ему в тех походах. Когда же император умер, воротился кузнец со всеми своими богатствами восвояси, и зажил обычною жизнью.

Так он жил себе поживал, всякое видывал на своем веку — и хорошее и дурное. Но вот перевалило ему уже за сто лет и сидел он однажды у себя в саду под старинною грушей. Тут подъехал к нему маленький серенький человечек верхом на осле — давний знакомец нашего кузнеца, много раз помогал этот человечек ему в трудные минуты. Попросил человечек подковать осла — выполнил его просьбу кузнец, но платы никакой за свою работу не взял. Тогда сказал человечек кузнецу Петеру, что готов выполнить за это три его самых заветных желания, но посоветовал не спешить, хорошенько подумать, чтобы не забыть самого главного. Поразмыслил кузнец, и попросил человечка сделать так, чтобы всякий, кто заберется на его любимую грушу, не мог бы с нее слезть, покуда сам кузнец того не пожелает — уж больно надоели ему воры, что повадились обирать сад. А поскольку воры и в дом к нему частенько забирались, попросил он еще человечка сделать так, чтобы к нему без разрешения никто не мог зайти, разве что через замочную скважину. Выслушал человечек эти два пожелания, показали они ему не слишком уж умными, и напомнил он кузнецу, что осталось последнее желание — не забудь про самое главное! И сказал тогда кузнец:

— А самое главное, это добрый шнапс, и потому хочу чтобы вот эта бутылка никогда не пустела!

— Ну что ж, твои желания будут исполнены! — проговорил человечек, прикоснулся напоследок к тем кускам железа, что лежали в кузнице, сел на осла и исчез, — в тот же миг все железо превратилось в сверкающее серебро. Так кузнец снова стал богатым и жил себе припеваючи дальше, и все прикладывался к заветной бутылке, в которой был на самом деле не шнапс, а эликсир жизни, только кузнец об этом не знал.

Но вот настал день, и пришла за ним смерть, которая уж и забыла о его существовании. Кузнец вроде даже как-то обрадовался и готов был безо всякого сопротивления идти за ней, только попросил напоследок оказать ему небольшую услугу — набрать груш вон с того дерева, а то, мол, сам он уже никак не может, больно стар стал да слаб. Забралась смерть на дерево, а кузнец и говорит:

— Вот и сиди теперь там! — на самом-то деле он и не собирался еще умирать.

Сидит смерть на дереве, есть-то хочется, вот она и принялась груши поедать, а когда все груши съела, стала от голода саму себя пожирать — вот почему от нее остался теперь только один скелет. А на земле тем временем люди и звери перестали умирать, и пошла от этого полная неразбериха. Подождал-посмотрел кузнец на это и решил, что так дело не пойдет, пошел к смерти и сказал ей, что отпустит ее восояси, только если она пообещает больше его не трогать.

Согласилась смерть на такое условие, слезла с дерева и отправилась в ярости косить людей по всей земле.

Очень ей хотелось отомстить кузнецу за обиду, ну а поскольку сама она этого сделать не могла, то подговорила черта, чтобы тот утащил кузнеца к себе в ад. Пришел черт к кузнецу, а он уже почуял что-то неладное — уж больно серую вдруг запахло — и не будь дурак, запер поскорее все окна и двери, а к замочной скважине подставил пустой мешок. Стал черт пробираться сквозь замочную скважину — другого-то пути не было, — и угодил прямехонько в мешок. Завязал кузнец мешок покрепче и потащил в кузницу, положил на наковальню, взял молот и давай колотить его почем зря — отделал черта по первое число, а потом отпустил на все четыре стороны. Ну а тот поспешил убраться, так как пропала у него всякая охота мстить такому забияке.

А кузнец с тех пор зажил себе припеваючи. Годы шли, умерли уже все друзья и знакомые, стало кузнецу одиноко на свете, устал он порядком, и решил, что, пожалуй, и ему пора на покой. Отправился он тогда на небо, добрался до райских врат, постучался смиренно, и вышел к нему Святой Петр, который был его ангелом-хранителем и не раз помогал ему в земной жизни — ведь и три желания исполнились не без его участия. Но теперь Святой Петр встретил кузнеца такими словами:

— Убирайся-ка восояси, заказан тебе путь в рай, ибо забыл ты пожелать себе самого главного — вечного блаженства!

Делать нечего, отправился тогда кузнец в ад — вела туда широкая дорога, по которой уже много-премного людей прошло. Но как только прослышал черт о том, что кузнец из Ютеборга к нему направляется, привел он спешно все свое адово воинство в боевой порядок, чтобы дать отпор драчливому кузнецу.

Нечего было делать горемыке — не берут его ни в рай, ни в ад, а на земле ему тоже неохота было оставаться, вот и спустился он в склеп к своему прежнему господину, императору Фридриху. Обрадовался старый император, увидев своего верного кузнеца Петера, и спросил его, не заметил ли тот, летают ли еще вороны над руинами его замка.

— Летают, — ответил кузнец.

Тяжело вздохнул император, услышав те слова.

— Так и остался кузнец Петер у своего господина, решил служить ему, как и прежде, верой и правдой до тех пор, пока не настанет час, когда обретет душа его вечный покой.

А это, как сказывают знающие люди, случится лишь тогда, когда воронье перестанет кружить над руинами замка, и зацветет старая иссохшая груша, что стоит неподалеку. И выйдет император со своими верными воинами, и будет большая битва, и пробьет час освобождения. Повесит император свой щит на цветущее зеленое дерево, и отправится со всеми слугами и воинами на вечный покой.

Сказочник Людвиг Бехштейн

В 1812 году братья Якоб и Вильгельм Гримм издали свою первую книгу сказок — те самые «Сказки братьев Гримм», которые известны теперь во всем мире. Людвигу Бехштейну, родившемуся в городе Веймаре в 1801 году, было в то время одиннадцать лет. Может быть, именно тогда он впервые прочитал сказки, собранные и записанные великими немецкими сказочниками, и решил так же стать собирателем и рассказчиком преданий и легенд немецкого народа. Решил — и стал, хотя складывалось все не так просто.

Людвиг Бехштейн рано потерял родителей и должен был сам зарабатывать на жизнь, около десяти лет он прослужил помощником аптекаря в небольшом немецком городке и лишь в 1829 году поступил в Лейпцигский университет. Здесь, а затем в Мюнхене он наконец получил возможность серьезно заниматься изучением истории, литературы и языков. И в то время, как и раньше, Людвиг Бехштейн читал и перечитывал сказки, записанные и изданные братьями Гримм, а также другими собирателями фольклора.

Ученые точно записывали сказки со слов рассказчиков, простых людей, чаще всего стариков, жителей сел и маленьких городов Германии. Издавая народные сказки, братья Гримм постарались как можно точнее передать на письме и донести до читателя все особенности устного рассказа, они сохранили всевозможные простонародные слова и выражения и даже черты диалектов — разнообразных говоров и наречий, которых в немецком языке довольно много.

Людвиг Бехштейн подошел к делу по-иному. Он не ставил своей целью сделать точную, как документ, запись сказок, а напротив решил пересказать народные сказки на свой лад, своим языком, придав им литературную форму. Иногда он и сам что-то присочинял, иногда что-то изменял в услышанных или прочитанных сказках, иногда соединял две фантастические истории в одну, а из одной сказки, наоборот, делал две. Ведь сказочник Людвиг Бехштейн был не столько ученым-фольклористом, сколько писателем. Сказки, которые он обработал и пересказал по-своему, получились интересными и занимательными. Легенды же и народные предания Людвиг Бехштейн старался не переделывать, ничего в них не изменял, потому что в отличие от сказок немецкие легенды всегда связаны с каким-либо хорошо известным местом: то это скала на берегу полноводного Рейна, то древний готический собор в городе Кельне или Аахене, — и как знать, может быть, все, о чем повествуют легенды, когда-то было на самом деле...

Первый четырехтомный сборник немецких народных преданий и легенд Людвиг Бехштейн издал в 1835—1838 годах, а в 1845 году вышла и написанная им «Книга немецких сказок». Очень скоро и маленькие и взрослые читатели полюбили эти сказки.

Прошло более полутора столетий, но и по сей день в Германии читают и перечитывают Людвига Бехштейна, его волшебные сказки, веселые и поучительные истории, сказки про зверей и птиц, рассказы и легенды о черте...

Г. Снежинская

Содержание

Лорелея, Перевела М. Коренева	7
Как чёрт адвокатом был. Перевела М. Коренева	9
Легенда о Кёльнском соборе. Перевела М. Коренева	13
Легенда об Аахенском соборе. Перевела М. Коренева	15
Судья и черт. Перевела Г. Снежинская	17
Чёртово зелье. Перевела Г. Снежинская . . .	21
Ютеборгский кузнец. Перевела М. Коренева . .	25
Сказочник Людвиг Бехштейн. Г. Снежинская . .	28

Издание подготовлено совместно с АО «Контур-М»

ЛР № 6931 от 25.03.94. Сдано в набор 06.04.94. Подписано в печать 11.04.94.
Формат 60×90/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 212.

«Издательство Буковского». 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26.
Типография им. И. Е. Котлякова Комитета Российской Федерации по печати.
195273, Санкт-Петербург, ул. Шота Руставели, 13.

